

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

Алёна Мандельбаум

И ВСЮДУ ТЫМА

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

Пролог

В начале была Тьма, и Тьма была Ничто.

И была Она одна, и ничто чрез Нее не начало быть. И родился Свет, и все чрез Него начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет людей.

И не была больше Тьма во тьме, была Тьма со Светом.

И узрели люди Свет, и возлюбили Его. И узрел Свет людей, и возлюбил их. И хотела Тьма, чтобы Свет узрел Ее, и возлюбил только Ее. Свет есмь любовь, любовь есмь Свет.

Слышала Тьма мысли людей, и были они мерзки.

И повели Тьма и Свет спор о том, благи ли люди. И был неразрешим он. И снизошел Свет к людям, как человек. И последовала Тьма за Ним. Она сказала: поверил Ты в тень. Позволил Ты людям видеть, но сам ослеп. Я буду ждать. И отказалась Она от памяти, чтобы забыть ненависть.

И пообещал Свет найти Тьму и поведать об их споре, если будет права Она. И сказал Он: да останутся Они навсегда среди людей, если прав Он.

Глава 1

В хороших руках

Ана бежала сломя голову. Она не чувствовала ни пронизывающего холодного ветра, бьющего ей в лицо, ни камней, впивающихся в ноги, ни кровотокающих ран на спине, груди, бедрах.

Она стремилась убраться оттуда подальше. От места, которое звала домом, от людей, которых считала семьей. Ана сворачивала в неосвещенные закоулки, стараясь скрыться от любопытных глаз. Пропойцы ничего не соображали и не замечали, а случайные прохожие, с кем она все же сталкивалась, сразу забывали увиденное.

Ана проскользнула в дыру в заборе и нырнула в единственное незаколоченное окно, находящееся вровень с землей. Рухнув на что-то мягкое, она осмотрелась. Внутри не было ничего, кроме ветхой мешковины, на которую приземлилась Ана, да гниющих листьев, занесенных ветром.

Ноги сами принесли ее в знакомый дом. В этом месте век назад произошел разлив Тьмы, поэтому местные считали его проклятым. Неболь-

шое городское поместье так и не было достроено, дом пустовал и постепенно разваливался. Разливы происходили нередко, но не такой силы и не с таким числом жертв.

В тот день здесь еще была рыночная площадь. В праздник Великого Нисхождения ярко светило солнце, и народ вывалил на улицы. В разгар веселья мужик внезапно метнул в другого камень. Вспыхнув гневом и яростью, они сцепились в бесчеловечно жестокой схватке, кусаясь и отрывая друг от друга куски плоти. Один за другим, без всякой видимой причины, к ним присоединялись люди вокруг. Рыночная площадь погрузилась в хаос безумия, который не могла остановить ни стража, поддавшаяся помешательству, ни подоспевшие инквизиторы. Виновником был проклятый, чья Тьма вырвалась наружу, но в кроваво-жадной толпе, где каждый имел на себе ее след, его было не найти.

Погибло несколько святых, прежде чем приняли решение уничтожить всех. Инквизиция никого не оставила в живых. Город, да и вся страна долго оправлялись от удара: вера в силу Света, а значит и в силу Церкви, подорвалась. Простые люди в ужасе отказывались выходить из дома. Ходили слухи, что проклятый, наславший безумие, жив, а некоторые утверждали, что никакого проклятого и не было, что сама земля разверзлась, выпустив Тьму.

На этом самом месте отважный барон затеял строительство дома, надеясь обрести богатство

на брошенной земле. Но судьба уготовила ему печальную участь: на охоте он упал с лошади, разум его помутился, и в конечном итоге он лишился всего. Жители же города верили, что несчастье барона — не случайность, а проклятое место принесло беду.

Ана посильнее укуталась в мешковину и усмехнулась злой иронии своего положения: может, земля здесь и правда притягивала Тьму? Жесткая ткань царапала и липла к коже. Ана прикоснулась к ранам на бедрах, они болели не так сильно, как должны были. Ощутила под пальцами влажную, загустевшую кровь, и внутри все сжалось.

На нее нахлынули воспоминания, грудную клетку сдавило тисками, мерзкая щекотка разлилась по телу, подобралась к горлу, дыхание сбилось. Ане захотелось кричать, рыдать, биться в истерике. Но ни одна эмоция так и не покинула ее тело. Ей казалось, что сейчас по ее венам течет ненависть, и стоит открыть рот, проронить слезинку, как все выйдет из-под контроля.

Кажется, только недавно она радостно готовилась к предстоящему балу: накручивала локоны на свои черные неподатливые волосы, примеряла платье, на которое копила целый год. В академии ежегодно проводилась церемония совершеннолетия — все ученики и ученицы, которым исполнилось девятнадцать, теперь имели право участвовать в светских мероприятиях. Именно с этого возраста позволялось искать себе пару. Из-за своего происхождения Ана и не надеялась, что

будет интересна хоть кому-то из мужчин, но бал означал еще и окончание обучения в академии. Она его очень ждала. Наконец-то она станет свободной.

На мгновение подвал вспыхнул ярким светом. Его было достаточно, чтобы понять: за ней пришли. Ана вжалась в угол и напряглась. Она не собиралась сражаться, это бесполезно. Она — одна из проклятых, ее казнят. Но сила внутри требовала высвобождения. Если инквизиторы не слишком талантливы, она попытается отбиться. «Они ни в чем не виноваты, они защищают город, тебе конец в любом случае», — уговаривала себя Ана, не зная, как долго сможет сдерживаться, пока не сойдет с ума.

Неизвестный стоял у двери и не спешил действовать. Ана задрожала, то ли от ужаса, то ли от нетерпения.

— Ты не потеряла контроль над Тьмой, — тихо, будто бы для себя, произнес он.

Этот человек мог быть и не инквизитором. Что он хотел? Он пришел, чтобы вернуть ее? Ана задыхалась в неизвестности. Она вновь почувствовала на себе руки первосвященника. Она не знала, как мягкое прикосновение может вызывать столь всепоглощающий ужас, будто ее обливали кипятком. Перед глазами мелькали картины, как он раздевал ее на сцене перед залом, полным людей в масках, как называл цену за то, что с ней могут сделать. Ана попыталась подняться, но ноги не слушались.

Мужчина сделал шаг и немного наклонился, вытянув руку вперед, как подходят к диким животным.

— Не бойся, я не причиню тебе вреда. — Он подошел ближе.

Ана всхлипнула. Вся ее внутренняя сила, только что грозившая вырваться, вдруг спряталась. Ана была жалкой и беспомощной перед владельцами Света. Они могут делать с ней все, что захотят. Уже сделали...

Рядом с мужчиной вспыхнул огонек, не больше того, что исходит от спички.

— Не подходи. Убью, — с трудом прошипела Ана.

На самом деле она не смогла бы пошевелить и пальцем, но вошедший должен знать, на что способна проклятая в ужасе.

Ана не сопротивляется, когда ее раздевают. Обнаженное тело чувствует касания грубых рук, холодный воздух, жесткий пол. Она чувствует все, но ничего не понимает. Черта между реальностью и мучительным кошмаром размыта. Из зала поднимается человек, заплативший за нее. Он идет к ней на сцену под одобрительные свисты и крики зала. Он подходит ближе и с самодовольной ухмылкой хватает ее за грудь. От неожиданности, смешанной с отвращением, Ана толкает его. Мужчина отступает, а лицо его искажает ярость.

— Я заплатил за тебя, тварь! — Он берет хлыст.

Угар.

Можно подумать, что к боли со временем привыкаешь.

Угар.

Это не так.

Угар.

Она падает на колени.

Угар.

Кричит.

Угар.

Он улыбается. Он доволен. Наклоняется к ней, поднимает одной рукой лицо за подбородок, а другой — впивается в раны на ее спине. Хватает за волосы и резко прижимает лицо к своему паху. Ее тошнит.

— Сука.

Ана не понимает, что происходит. И уж тем более она не ожидает, что отказ первосвященнику закончится вот так, что ее обратят комком

боли, отчаяния и... презрения. Мир замедляется. Человек, вновь замахивающийся на нее, становится маленьким и незначительным.

«Я сдалась?.. Подчинилась им?..» Она поднимается на ноги. Сейчас она способна на все.

Бежать.

Человек, чьи штаны в ее рвоте, идет к столу, на котором лежат инструменты для пыток, берет нож и перерезает себе горло.

В зале совсем тихо. *Кроме Аны никто не вышел.*

Глава 2

Восстановление

— Девочка! Дитя мое! Очнись!

Ана услышала немолодой голос и почувствовала брызги на лице. Она открыла глаза, еще не соображая, что происходит, и попыталась пошевелиться. Тело отозвалось резкой болью. Над ней нависла старушка со стаканом воды в руке.

— Вы... кто? — только и спросила Ана.

Последним она помнила подвал, незнакомца и протянутую руку.

— Ой, божечки мои! Заговорила! Пей, пей, птенчик! — Старушка поднесла стакан к ее губам и наклонила, чтобы Ана могла сделать глоток. — Три дня спала! Я думала, уж и не проснешься. Мастер вон мертвеца притащил в дом, а мне и выхаживай, будто других забот мало. Но все равно приходила, тормошила тебя. Посмотри, бледная какая, чай с голоду помрешь, не успею в себя прийти! — Закончив причитать, старушка поставила стакан на тумбу рядом с кроватью и резво выскочила из комнаты, оставив Ану без объяснений.

Ана приподнялась, сморщившись от боли в спине, и осмотрелась. В комнате царил полутьма, тяжелые портьеры были не до конца задернуты, и через них пробивалось солнце. В затхлом воздухе играла пыль. Здесь давно не проветривали, да и не убирали. Ана провела рукой по прикроватной тумбе, на пальцах осталась серая грязь.

Она посмотрела на свою запачканную руку. «У меня есть Тьма, да?» Почему-то казалось, что сила должна исходить именно из рук. Ана не чувствовала ничего необычного. «Тьма...» — смаковала она, примеряла к себе.

Тяжело вздохнула.

Ана не знала, как к себе относиться, но в одном сомнений не было — она стала чудовищем. Хотелось сбежать от тревожных мыслей, снова забыться во сне. Она закрыла глаза в надежде, что *все вокруг исчезнет*. И мир, и она, и те, кто с ней это сотворил.

Дверь отворилась, и вошла старушка, осторожно неся поднос с наставленными на него тарелками.

— Вот, покушать принесла, птенчик мой. Осталось всякого понемногу на кухне, вот и собрала. Хлебушек там, бульончик, рыбка. Кушай, кушай.

Она поставила поднос Ане на колени и села рядом. По комнате разлились ароматы еды, а потом в нос ударила терпкость чеснока и перебила все остальное.

Ничего не исчезло.

Ана печально посмотрела на поднос и перевела взгляд на свою благодетельницу: старушка была сухонькая, вся в морщинах, седые волосы собраны в пучок, белый передник был весь в масляных пятнах, а на лице играла озорная улыбка.

— Что смотришь своими глазищами! Ешь, говорю! — старушка аккуратно подвинула поднос чуть ближе. — Глазища какие, совсем бесцветные. Люди не пугаются? За слепую не принимают? Ну, я-то вижу, что со зрением у тебя все в порядке, вон как вылупилась. Я — Хельга, самый важный человек в доме! — Она гордо приосанилась, а потом охнула и схватилась за спину. — Радикулит, проклятый! Ты зови меня бабусей, все так зовут...

Ана не спеша хлебала бульон, слушая болтовню Хельги. Каждый глоток давался с трудом, тело ломило, горло жгло, однако она запикивала в себя ложку за ложкой, не желая отвергать доброту суетной женщины.

— Где я? — слабо улыбнувшись, спросила Ана.

— Как где, деточка? У мастера. Принес тебя, положил в самую дальнюю комнату и запретил слугам заходить. Опасно, сказал. Сам каждый день здесь бывал, вона смотри, сколько переверток сделал!

Ана оттянула ворот ночной рубашки и увидела, что торс и бедра замотаны бинтами. По коже побежали колючие мурашки, когда она пред-